

Почему казнили Павла Негребецкого?

Улла Биргегорд

Уппсальский университет
Уппсала, Швеция

Why was Pavel Negrebetskii Executed?

Ulla Birgegård

Uppsala University
Uppsala, Sweden

Резюме

Статья является репликой в дискуссии об исторической ценности записей, которые вели работавшие в России иностранные дипломаты. Два молодых человека, Гильдебранд фон Горн, чрезвычайный посланник датского короля, и швед Юхан Габриель Спарвенфельд, королевский стипендиат, изучавший русский язык и культуру, встретились в Москве летом 1684 г. Они познакомились еще в 1682 г. в Копенгагене, но в Москве они общались в качестве представителей двух стран, имевших в России разные политические цели. Фон Горн был в России в третий раз, прекрасно говорил по-русски и был знаком с влиятельными лицами при дворе. Он рассказывал Спарвенфельду о закулисной жизни двора, которую хорошо представлял. Эту информацию Спарвенфельд записывал в дневник, который вел во время поездки (опубликован автором этой статьи в 2002 г.). В июле 1684 г. фон Горн рассказал Спарвенфельду о казни «одного поляка, знатного и ученого человека по имени Негребецкий». Речь шла о Павле Негребецком, занимавшем важное положение при дворе во время правления Федора Алексеевича, но потерявшем свое влияние после смерти царя. В августе друзья еще раз обсуждали дело Негребецкого, обстоятельства его пыток до казни, а также и роль И. М. Милославского в его судьбе. Негребецкий обвинялся

Цитирование: *Биргегорд У.* Почему казнили Павла Негребецкого? // *Slověne*. 2020. Vol. 9, № 1. С. 232–260.

Citation: : Birgegård U. (2020) Why was Pavel Negrebetskii Executed? *Slověne*, Vol. 9, № 1, p. 232–260.
DOI: 10.31168/2305-6754.2020.9.1.8

в участии в заговоре против Софьи и ее сторонников, возникшем после стрелецкого бунта в мае 1682 г. пытки были прекращены Василием Васильевичем Голицыным. Негребецкого секретно отвезли на Красную площадь и казнили. Почему Негребецкого казнили именно так, через два года после его предполагаемого преступления? После обсуждения различных аспектов данного вопроса в статье предлагается возможный ответ. Настоящей причиной поспешной казни было то, что Негребецкий продолжал склонять польского короля выступить на стороне Нарышкиной, матери Петра, в борьбе за власть между кланами Милославских и Нарышкиных. Поскольку в мае–июне 1684 г. в Москве находилось австрийское посольство, у Негребецкого появился надежный канал связи с Польшей в лице габсбургского резидента в Варшаве И. Жировского. Возможно, Негребецкий воспользовался случаем и попытался послать письмо польскому королю с просьбой о поддержке Нарышкиной и ее сына. Письмо было обнаружено, после чего Софья и Милославский наконец решили избавиться от раздражающего поляка. Его казнь позволила им дать отчетливый сигнал сторонникам Петра, что их прежние планы известны и что они находятся под наблюдением. Главных участников несостоявшегося заговора нельзя было трогать по политическим причинам (самый энергичным заговорщиком был Борис Алексеевич Голицын, двоюродный брат Василия Васильевича). Таким образом, запись ночных разговоров двух иностранцев в русской столице, кажется, помогла выяснить, как и когда умер Павел Негребецкий, а также высказать обоснованное предположение о причинах казни.

Ключевые слова

иностранцы, дипломаты, Негребецкий, фон Горн, Спарвенфельд, русско-польские связи, русско-датские связи, Милославские, Нарышкины, Жировский

Abstract

The paper seeks to contribute to the discussion among historians about the value, as historical sources, of foreign diplomats stationed in Russia. Two young men, Hildebrand von Horn, an envoy extraordinaire of the Danish king, and the Swede Johan Gabriel Sparwenfeld, a student of the Russian language and Russian affairs on a scholarship granted by the Swedish king, met in the Russian capital during the summer of 1684. They had met before—in 1682 in Copenhagen—but this time their roles were quite different, as they were in Moscow as representatives of countries with opposite political aims vis-à-vis Russia. Von Horn was in Russia for the third time, knew many influential people at court and mastered the Russian language. He kept Sparwenfeld informed about what was going on behind the scenes at court. This information was written down by Sparwenfeld in his diary of the Russian journey, published by the author of this paper in 2002.

In July 1684 von Horn told Sparwenfeld about the execution of “a noble and learned Pole, Negrebetskii”. This person, Pavel Negrebetskii, had had an important position at court during the reign of Fyodor Alekseevich but lost his influence after the death of the Tsar. In August the two friends once more discussed Negrebetskii, his torture, and the role of I. M. Miloslavskii in his

fate. Negrebetskii was accused of having taken part in a conspiracy against Sof'ia and her supporters in the aftermath of the streltsy uprising in May 1682. The torture was stopped by Vasilii Vasil'evich Golitsyn, and Negrebetskii was hastily and secretly taken to the Red Square and executed. Why was Negrebetskii executed in this way two years after his stated crime? After discussing various aspects of the question, this paper gives a possible answer. It seems that the real reason was that Negrebetskii did not stop trying to make the Polish king intervene on Naryshkina's side in the struggle for power between the Miloslavskii and Naryshkin clans. In connection with the arrival of an Austrian embassy in Moscow in May–June 1684, a new possibility for Negrebetskii to get in contact with Poland offered itself in the person of the Habsburg resident in Warsaw, I. Zierowsky. Negrebetskii, it seems, took advantage of the opportunity and tried to send a letter with Zierowsky to the Polish king, begging the king for help and support of Naryshkina and her son. The letter was intercepted, and Sof'ia and Miloslavskii decided to get rid of the irritating Pole once and for all. His execution also gave a clear signal to Peter's supporters that their previous plans were known and that their activities were under surveillance. It was not possible to touch the main actors in the unrealized conspiracy for political reasons; the most active among them was Vasilii Vasil'evich's cousin, Boris Alekseevich Golitsyn.

So, the entries in Sparwenfeld's diary about nightly conversations between two foreigners in the Russian capital help to shed light on how and when Pavel Negrebetskii died, and, hopefully, also why.

Keywords

Foreign diplomats, Negrebetskii, von Horn, Sparwenfeld, Russian-Polish relations, Russian-Danish relations, the Miloslavskii, the Naryshkins, Zierowsky

Донесения иностранных дипломатов и дискуссия о них

В последние десятилетия было опубликовано несколько монографий о весьма сложной и противоречивой политической ситуации в России последней четверти XVII в. — со времен смерти Алексея Михайловича (1676 г.) до падения правительства царевны Софьи и возвращения власти царю Петру (1689 г.) [Hughes 1990; Лавров 1999a; Bushkovitch 2001; Седов 2008; Кочегаров 2008]. В них представлено много нового, до этого неизвестного архивного материала, который иногда заставлял исследователей по-новому толковать давно известные факты и переоценивать причинные связи событий актуального периода. Среди новых материалов, вошедших в научный оборот в связи с вышеупомянутыми публикациями, заметное место занимают источники иностранного происхождения. В последнюю четверть XVII в. особое значение приобрели донесения иностранных дипломатов, находившихся на службе в России. Среди историков велась интересная дискуссия о достоверности и ценности этих «новых» иностранных источников.

М. И. Белов, автор нескольких работ об одном из иностранных источников «нового типа» — о документах первого голландского резидента в России Иоганна Келлера — считает, что иностранные сочинения старого типа, т. е. описания путешественников, очень отличаются от донесений дипломатов. Он пишет: «Отличие этих дипломатических документов от сочинений иностранцев о России заключается в том, что они написаны по горячим следам событий, чаще всего в ходе событий, и представляют собой как бы моментальную фотографию» [Белов 1964: 375]. А. С. Лавров в своей статье о донесениях датского дипломата Хильдебрандта фон Горна пишет: «Роль иностранных источников в восстановлении политической истории России в XVII в. трудно преувеличить» [Лавров 1999б: 15]. Но он только частично согласен с Беловым и считает, что, несмотря на то что источники старого типа, в отличие от донесений дипломатов, написаны в ретроспективе, они не отличаются друг от друга. Авторы-иностранцы в обоих случаях смотрят на Россию, исходя из своих стереотипных представлений. Лавров цитирует В. А. Возгрину, который ввел в научный оборот донесения Х. фон Горна, и считал, что «...иностранцы-дипломаты, защищенные своим статусом, имевшие свободный доступ к разнообразным источникам информации и не испытывавшие особой привязанности или вражды ни к одной из группировок» [Возгрин 1982: 157] в результате являлись более беспристрастными свидетелями, чем их русские современники. Лавров возражает Возгрину, указывая на то, что иностранные дипломаты могли быть беспристрастными только в тех случаях, когда они сами являлись очевидцами событий, а в остальных случаях они зависели от своих русских источников, которые, скорее всего, были далеко не беспристрастными. Он добавляет, что зависимость иностранного дипломата от информантов была связана с тем, до какой степени он ориентировался в русской действительности и насколько хорошо он знал русский язык (если вообще знал). Эти соображения, по его мнению, становятся актуальными в связи с донесениями фон Горна [Лавров 1999б: 15]. К этой дискуссии можно добавить, что иностранные дипломаты, возможно, толковали одни и те же события по-разному — в свете собственных целей, связанных с поручениями из дома. П. Бушкович, говоря об отчетах иностранных резидентов и агентов о событиях в России, пишет:

Но дипломаты не были обыкновенными сплетниками. Они всячески старались отмечать источник информации, указывая, что узнано из первых рук — по личным наблюдениям или непосредственно из разговоров с петровскими сановниками, что известно от достойных доверия рассказчиков, что — из общих разговоров, а что — просто по слухам [Бушкович 2009: 14].

П. В. Седов, наконец, пишет: «Ценность иностранных источников состоит в первую очередь в том, что они дают иной угол зрения на русское общество, нежели отечественные источники» [Седов 2008: 9]. Далее в своем исследовании он констатирует в связи с конкретным случаем:

Следует учитывать, что они [иностранцы. — У. Б.] наблюдали ход придворной борьбы со стороны, пользовались ограниченной информацией и по недостатку данных невольно придавали отдельным фактам обобщенный характер, сводя все многообразие придворной борьбы к влиянию одного лица. В основу реконструкции хода придворной борьбы следует положить современный событиям актовый материал, дающий надежные ориентиры [Ibid.: 201].

Вероятно, можно резюмировать все эти цитаты следующим образом: иностранные источники могут добавлять новую информацию к русским источникам, но нужно использовать их с осторожностью.

Этот вопрос становится актуальным при оценке сведений иностранных дипломатов о судьбе главного героя этой статьи, Павла Негребецкого. Напомним, кто он такой.

Кто такой Павел Негребецкий?

Павел Негребецкий родился в Галиции, он был православным русином. В 1647 г., когда первый русский резидент в Варшаве Василий Михайлович Тяпкин сблизился с ним, он служил секретарем польского короля. Негребецкий стал работать у Тяпкина в качестве переводчика с польского и латинского языков, он также передавал резиденту секретную информацию о том, что обсуждалось на сеймах и в польском правительстве. Через полтора года он понял, что оставаться в Польше больше не может, и попросил помощи, чтобы получить службу в Москве. За него ходатайствовал В. М. Тяпкин, который вернулся в Москву после польской службы, он представил Негребецкого в Посольский приказ в июле 1677 г.

Дела Негребецкого двигались очень медленно. К. В. Харлампович отмечал [Харлампович 1914: 434], что русские власти, по всей видимости, не особенно оценили Негребецкого и не спешили принять его на службу. Он сблизился с Сильвестром Медведевым, однако в начале 1680-х гг. они оба начали борьбу за место в академии, которую хотел организовать Симеон Полоцкий в Новоспасском монастыре, что послужило причиной их ссоры. Среди конкурентов также был Ян Белобоцкий, который переехал в Москву в надежде получить работу учителя в новой академии. Негребецкий считал, что Белобоцкий явный лютеранин-кальвинист, поэтому он не может претендовать на статус учителя в

академии¹. В научной литературе довольно много написано о полемике вокруг этой академии и о том, кто является основным автором обвинительных челобитных — сам Негребецкий или Сильвестр Медведев². Патриарх Иоаким с подозрением следил за полемикой, не доверяя ни Медведеву, ни Негребецкому, ни тем более Белобоцкому. Несмотря на все проекты, челобитные и прения, академия так и не была создана [Сазонова 2006: 104–105]. Статья о Негребецком в Русском биографическом словаре заканчивается следующим образом: «Дальнейших сведений о жизни и деятельности Негребецкого не встречается; вероятно, он потерял значение вместе с падением своего покровителя Сильвестра Медведева» [РБС 1914: 188].

Новые данные в работе П. В. Седова

Две работы, вышедшие в 2008 г., проливают новый свет на деятельность Негребецкого. Одна из них — «Закат московского царства» П. В. Седова — содержит много до сих пор неизвестного архивного материала о нашем герое. Покровитель Негребецкого В. М. Тяпкин был назначен на свой дипломатический пост в Варшаву тогдашним главой Посольского приказа А. С. Матвеевым. Но когда Тяпкин вернулся из Польши, Матвеев уже был в ссылке, поэтому на старания Тяпкина обеспечить хорошие условия для своего подопечного в приказе не обратили никакого внимания. Негребецкого приняли оскорбительно плохо, и он с огромным трудом нашел себе место. Но «ловкий шляхтич», как пишет о нем П. В. Седов очевидно был сообразительным, и со временем его перевели в служилые иноземцы. Под влиянием И. М. Милославского, который тогда был главой Новгородского приказа и желал избавиться от Негребецкого, его назначили объезжим головой в Холмогоры. Но наш герой отказался от предложения и остался в Москве, в результате чего ему пришлось полгода жить без кормовых денег. Негребецкий неустанно обращался в Новгородский приказ за деньгами и наконец добился своего. Вероятно, И. М. Милославский хорошо запомнил этого требовательного шляхтича.

Спустя некоторое время положение Негребецкого изменилось. Это было связано с тем, что, часто посещая Заиконоспасский монастырь, он через Медведева познакомился с Федором Алексеевичем, который также там бывал. Негребецкий довольно рано, кажется, обратился прямо к царю. Федор Алексеевич доверил ему составление гербовой книги для московского дворянства [Седов 2008: 401]. Кажется, что и Негребецкий,

¹ О Негребецком см.: [РБС 1914: 187–188]. О его борьбе с Яном Белобоцким см. статью А. Х. Горфункеля в Словаре книжников XVII в.: [Горфункель 1992: 128].

² См. литературу в Словаре книжников: [Буланин 2004: 500].

и его покровитель Тяпкин пользовались благоволением царя. Обсуждая вопрос о возможном участии Негребецкого в разных проектах Федора Алексеевича, например, в отмене местничества и в работе над новым Уложением, Седов упоминает, что среди покровителей польского шляхтича находился и В. В. Голицын [Ibid.: 474–476]. Так что неудивительно, что Негребецкий внезапно становится советником царя Федора. После выхода в свет работы Седова стало ясно, что Негребецкий вошел в историю не только как один из конкурентов за позицию в новой академии, но и как политически влиятельный советник царя Федора, известного своими полонофильскими наклонностями.

После смерти Федора Алексеевича в конце апреля 1682 г. и тем более после стрелецкого бунта в начале мая положение Негребецкого изменилось кардинально. А. С. Матвеев был убит в первый день бунта, Иван был назначен первым царем, Петр — только вторым, и Софья оказалась победительницей. Негребецкий в этой борьбе, кажется, явно выбрал сторону Петра, тем самым вызвав гнев Софьи и тем более И. М. Милославского. Далее мы на время отвлечемся от фактов биографии Негребецкого для того, чтобы познакомиться с некоторыми иностранными источниками.

Новые данные в дневнике Ю. Г. Спарвенфельда

Для установления обстоятельств кончины Негребецкого имеет большое значение один источник, который сравнительно недавно стал доступным научной общественности. Речь идет о дневнике шведа Ю. Г. Спарвенфельда [Sparwenfeld 2002]. Юхан Габриель Спарвенфельд (1655–1727), ученый-книголюб, полиглот и путешественник, впоследствии церемониймейстер шведского королевского двора, провел 13 лет своей жизни за границей и говорил на 14 языках. Европейские ученые того времени знали его как знатока иностранных языков, прежде всего славянских, и в частности — русского языка. Причиной этой репутации был его большой «Lexicon Slavonicum», славяно-латинский словарь в четырех томах, который он составил после трехлетнего пребывания в Москве (1684–1687)³.

Интерес Спарвенфельда к русскому языку начался во время его участия в шведском посольстве Конрада Гюлленшерны в Москву весной 1684 г. [Форстен 1899: 47–54]. По рангу он был первым среди молодых дворян, составлявших в посольстве почетную свиту, и в этом качестве являлся личным ассистентом Гюлленшерны. Посольство покинуло Москву

³ Спарвенфельд пытался напечатать свой словарь много лет, но ему так и не удалось этого сделать. В результате он подарил свой труд библиотеке Уппсальского университета, где рукописи находятся до сих пор: в конце прошлого века он был опубликован, см.: [Birgegård 1985; Sparwenfeld 1–4].

в начале июня 1684 г., но Спарвенфельд остался, т. к. ему удалось получить от шведского короля денежные средства для изучения русского языка и русской культуры. Он оставался в Москве почти три года.

Во время своих путешествий Спарвенфельд вел дневники, как правило, на языке той страны, в которой он находился. Но из них сохранился только один — русский. Однако в этом случае он писал не на языке страны, а по-шведски, по-французски и немного по-итальянски, т. к. русским языком он владел еще недостаточно: он только начал изучать его. Со временем, однако, он начинает записывать кириллицей географические названия и наименования некоторых местных реалий. В своем дневнике Спарвенфельд дает подробное и вместе с тем персонализированное описание своего путешествия из Стокгольма в Москву, а также первой части своего пребывания в Москве. По обширному названию работы по-итальянски, «*Giornale dun Viaggio di Muscouia...*», видно, что дневник написан «в помощь памяти» («*pell' aiuto di memoria*») и не рассчитан на публикацию, по крайней мере, не в этой форме. Это видно и по тексту, в котором собраны случайные, спонтанные рассказы о том, что Спарвенфельд встречал по пути [Sparwenfeld 2002: 19–21].

Шведское посольство 1684 г.

Вернемся к самому посольству. В 1682 г., после первого стрельцкого бунта и венчания на царство Ивана Алексеевича и Петра Алексеевича, требовалось документально зафиксировать смену правителя. И России, и Швеции вновь пришлось подтверждать действие старых соглашений, а именно — мирных договоров в Кардисе 1661 г. на реке Плюссе 1667 г. Осенью 1683 г. в Стокгольм прибыло русское посольство во главе с Иваном Прончищевым, и 30 октября на торжественной церемонии в кафедральном соборе договоры были ратифицированы. В феврале следующего года в Москву отправилось крупное шведское посольство во главе с Конрадом Гюленшерной, чтобы аналогичным образом закрепить эти мирные договоры. Посольство прибыло в Москву в конце апреля 1684 г. Но внутривполитическая ситуация в принимающем государстве несколько осложняла миссию шведских дипломатов [Биргегорд 2014].

Находясь в пути, руководство посольства получило информацию о сложном положении в русской столице. Девятого марта, когда посольство находилось в Нарве, за столом у богатого купца Юрия Тундера (*Jurgen Tunderfeldt*) говорили о московских делах. В частности, что «*les grans seigneurs*», т. е. бояре, были на стороне царя Ивана, что его плохое физическое и психическое состояние давало им шанс беспрепятственно обогащаться. Скрывая свои настоящие цели, они были показными сторонниками царевны Софьи. Спарвенфельд в своем дневнике пишет:

Она же, несмотря на свою чрезвычайную набожность, позволяет своему фавориту, Василию Васильевичу Голицыну⁴, который является одним из самых властных господ в стране, управлять собой и целовать себя, и делает это так открыто, что даже простой народ говорит об этом и в Москве, и здесь [т. е. в Нарве. — У. Б.]. У этого князя есть двоюродный брат, Борис Алексеевич Голицын⁵, который, несмотря на то что он князь и родственник прежнего [фаворита], является близким другом чрезвычайного посла датского короля Хильдебрандта фон Горна, моего друга из Копенгагена [о нем см. примеч. 16. — У. Б.].

На полях написано:

У младшего царя, Петра Алексеевича, было три дяди по матери⁶, которые были такие несносные, что в результате ненавидели их, а заодно и царя, на чьей стороне они были. Так что боярская дума встала на сторону старшего, либо из-за собственных интересов, либо по какой-то другой причине. [...] По всей вероятности, однако, когда у Ивана и Петра будут сыновья, будет ссора и гражданская война, когда каждый будет отстаивать свое право на власть перед другим, и это значит, что нам будет нечего бояться с их стороны [Spragwenzfeld 2002: 60; оригинал на французском, здесь и далее перевод мой. — У. Б.].

Из этого отрывка ясно, что шведы хорошо знали, кем были главные действующие лица в игре и какой была расстановка сил. Информантом был, по всей вероятности, хозяин дома, богатый купец и видная персона в местном управлении города Юрий Тундер [Международные связи 1966: 10, примеч. 11]. Он был хорошо осведомлен о событиях, так как через Нарву проезжали и купцы, и дипломаты, а сам он торговал в России.

Пятого апреля, когда посольство находилось в Торжке, Спарвенфельд записал, что пристав Мирон Григорьевич Баищев за ужином рассказывал о семье усопшего царя (т. е. Алексея Михайловича), в том числе о Софье,

⁴ Василий Васильевич Голицын (1643–1714) стал боярином в 1676 г. [Crummy 1983: 199], после стрелецкого восстания в мае 1682 г. его назначили главой Посольского приказа. Во время регентства Софьи он был самым могущественным человеком в стране после нее [Hughes 1984: 23–24].

⁵ Борис Алексеевич Голицын (1654–1714) — двоюродный брат Василия Васильевича. В ноябре 1683 г. он стал судьей в Приказе Казанского дворца [Лавров 1999а: 84]. Дядька Петра, кравчий, самый видный и активный сторонник молодого царя. Он стал боярином в 1690 г. [Crummy 1983: 210]

⁶ Иван Кириллович, Афанасий Кириллович и Лев Кириллович Нарышкины (кроме них было еще два младших брата). Афанасий Кириллович был убит в самом начале майского бунта 1682 г., Ивану Кирилловичу удавалось скрываться два дня, но под конец он сдался и был убит толпой после страшных пыток. Льва Кирилловича вместе с одним из младших братьев выслали после майских событий [Hughes 1990: 59–60].

которая божьей милостью была наделена умом и благоразумием и была всеми почитаема и любима, так как она одна поставила все на свои места в последних волнениях [речь идет о стрелецком восстании в мае 1682 г. — У. Б.]. Без нее все продолжалось бы вечно. Она ведет себя совсем не так, как другие царевны. Она выходит публично и показывает лицо, дает аудиенцию иностранцам [см. примеч. 8. — У. Б.] и *en passant* принимает челобитные и решает дела по ходу, а также отдает приказы, так как ее младший единокровный брат еще молод, а старший слишком глуп. Иван на самом деле уже совершеннолетний, т. к. ему исполнилось уже почти тридцать лет⁷. Но никто ничего не получит, ни места, ничего, если не обратится сперва к ней на аудиенции [Sparwienfeld 2002: 120, 122, текст на шведском].

Наконец посольство прибыло в Москву: прием был роскошным, были аудиенции, визиты иностранных дипломатов, переговоры с русскими. Цари подтвердили действие старых соглашений и дали присягу. Гюлленшерну и других послов даже допустили к руке Софьи, чего раньше никогда не было⁸.

Австрийское посольство 1684 г.

Но во время пребывания посольства Гюлленшерны в Москве в русскую столицу приехало еще одно посольство, куда меньше шведского: это было посольство Габсбургов. Австрийское посольство, которое было принято 14 мая, включало в свиту пять или шесть дворян (по сравнению с 21 у шведов), но они взяли с собой больше 40 лошадей, а шведы постоянно ругались с принимающей стороной из-за того, что предоставленных им лошадей было недостаточно. По данным дневника Спарвенфельда, австрийское посольство наотрез отказались от транспорта и денег, предлагаемых русской стороной, а также от аудиенции у Софьи. Русские предложили Гюлленшерне наблюдать въезд Габсбургов в город, и тот впоследствии дал очень подробное описание этого события, сохранившееся в дневнике Спарвенфельда [Sparwienfeld 2002: 156–168, исходный текст на шведском; см. также: Бирегорд 2014: 170–171]. Главной целью этого описания было сравнение приемов шведов и австрийцев: сколько важных людей принимали участие в приеме, сколько было задействовано стрельцов? Какие они принесли подарки — и т. д. По тону Спарвенфельда чувствуется: он считает, что посланники Габсбургов,

⁷ Спарвенфельд грубо ошибается насчет возраста Ивана. Он родился в августе 1666 г., значит, ему было 17 лет.

⁸ Аудиенция состоялась 28 мая и вызвала негативную реакцию не только со стороны иностранных дипломатов, но и со стороны патриарха и других лиц. Современники критиковали В. В. Голицына за то, что он дал разрешение на аудиенцию [Sparwienfeld 2002: 174; Лермонтова 1912; Hughes 1990: 189–190, Бирегорд 2014: 172–173].

быть может, вели себя более достойно, чем шведы, и что хозяева как будто обратили больше внимания на них.

Записи Спарвенфельда, посвященные казни Негребецкого обращает на себя внимание запись Спарвенфельда от 11 июля, когда шведское посольство уже больше месяца как уехало из Москвы:

Сегодня казнили одного поляка, знатного и ученого человека по имени Негребецкий, и вместе с ним другого⁹, которого обвинили в переписке с Польшей. И говорят, что Жировский¹⁰, посол императора, был замешан в этом деле, так как он симпатизирует Польше. Полагают, что именно он переслал обратно сюда ко двору то письмо, которое Негребецкий написал и послал с [императорскими. — У. Б.] послами в Польшу, чтобы получить от этого выгоду для себя. Но никто не знает, так ли обстоит дело. Некоторые считают, что Негребецкий был невиновен и что царевна Софья, которая отдала приказ казнить его, теперь раскаивается. Однако до своей смерти Негребецкий написал обвинительный документ, касающийся этой ситуации, который хранится у кого-то, кто является сторонником царя Петра, возможно, у князя Б. А. Голицына [см. примеч. 5. — У. Б.], князя И. И. Голицына¹¹ или кого-то др. Говорят, в этом документе есть данные, далеко не лестные для царевны Софьи. Мне сегодня сказали также, что В. В. Голицын делает все возможное, чтобы возвести царевну Софью на трон, но что бояре, особенно Иван Михайлович Милославский¹², усердно сопротивляются этому [Sparwenfeld 2002: 182; текст частично на шведском, частично на французском].

Судя по всему, источник этих новостей — датский чрезвычайный посол Хильдебрандт фон Горн.

⁹ По всей вероятности — Дмитрий Поплавский, см. ниже.

¹⁰ Жировский, Ганс Кристофор (Zierowsky, Johann Christian, von Zierowa, Hans Christoph) был послом вместе с Себастьяном Блюмбергом (Sebastian von Blumberg) в императорском посольстве. Главной задачей посольства было заставить Россию присоединиться к Священной лиге против Турции. Жировский был габсбургским резидентом в Польше в 1674–1685 гг. Спарвенфельд пишет в своем дневнике [Sparwenfeld 2002: 159], что Блюмберг был первым послом, Жировский — вторым, и что оба хорошо говорили по-польски. По другим источникам также ясно, что Блюмберг был ключевой фигурой в переговорах, например [O'Brien 1952: 92–96; Шлейссингер 1970: 123].

¹¹ Иван Иванович Голицын большой, стал боярином в 1685 г. [Crummeу 1983: 207; Лавров 1999а: 90].

¹² Иван Михайлович Милославский, родственник Ильи Даниловича Милославского, отца первой жены Алексея Михайловича Марии Ильиничны Милославской. Он стал окольничим в 1660 г. и боярином в 1676 г. [Crummeу 1983: 193]. Некоторое время он был главой многих приказов, но после майского восстания лишился этих должностей. В принципе он принадлежал к лагерю Софьи, но его собственные амбиции осложняли его отношения с ней и с В. В. Голицыным (так, он все громче критиковал «сребролюбие» последнего). См. письмо фон Горна от десятого марта 1684 г.: [Horn 1879: 177–178].

Спарвенфельд вернулся к этой теме через полтора месяца:

...ночью 26 [августа] у нас с фон Горном был длинный разговор о разных делах, как публичных, так и частных. Особенно обсуждали смерть Негребецкого, которого по приказу царевны и Ивана Милославского пытали, а потом обезглавили, как сказано выше, из-за его участия в Троице [т. е. во время пребывания Петра в Троице-Сергиевом монастыре] на стороне Петра и против царя Ивана и царевны во время бунта. Сотни бунтовщиков, которые поддержали царевну, были помилованы, но со временем несколько сотен, а потом и тысяч были обезглавлены из тех, кто поддержал Петра. И до сих пор она иногда мстит с подачи кровожадного Милославского, хотя князь Василий Васильевич не одобряет такое. То же самое случилось и с Негребецким, так как он был сторонником Петра и в Троице был осведомлен о большей части, хотя не обо всем, что делали приверженцы Петра, в первую очередь князь Борис Алексеевич Голицын, князь Иван Иванович Голицын, грузинские князья¹³ и т. д. А также и фон Горн, который помогал словом и делом и который сам говорил с матерью Петра о решительных мерах. Он советовал им, чтобы они, воспользовавшись своей властью, которая была у них в то время, когда бунт почти успокоился, перехватили власть у другого клана, посадили несколько человек насильственно в монастырь и убили бы некоторых, но без крови и внешнего насилия, т. к. такие меры не гарантировали бы личную безопасность царю Петру. Но так как Кирила [Наталья Кирилловна], мать царя, смогла решиться на такие решительные меры только через несколько дней, когда было уже упущено время, то ничего не состоялось, о чем она в присутствии фон Горна часто потом жалела. Существование заговора против царевны и царя Ивана Негребецкий подтвердил, главную роль отводя князю Б. А. Голицыну, князю И. И. Голицыну и фон Горну. Он продолжал признаваться во время пыток и назвал их имена (это случилось 8 или 9 июля) в присутствии Милославского, который является врагом фон Горна. Там же присутствовал и В. В. Голицын. Но когда князь Василий Васильевич услышал о фон Горне и о своем брате Борисе Голицыне, он сразу приказал прекратить пытки, чтобы не было разоблачения и чтобы отвести беду от фон Горна и своего брата, объясняя, как мог, царевне их невиновность. Но когда И. М. Милославский потребовал, чтобы пытки были продолжены, князь Василий Васильевич спросил его, хочет ли он, чтобы князя Бориса Голицына били кнутом? В таком случае, сказал он, тебя тоже следовало бы подвергнуть пыткам, т. к. ходили слухи, что ты добиваешься смерти Петра¹⁴ и т. д. На этом пытки прекратили, и Негребецкого

¹³ Речь идет, возможно, о братьях Панкрате Хохоновиче Давидове (Давитишвили, ум. в 1724 г.) и Потапе (Paata) Хохоновиче Давидове (Давитишвили, ум. в 1718 г.), с которыми Спарвенфельд в это время общался в Москве [Sparwenfeld 2002: 339, примеч. 743].

¹⁴ Ходили разные слухи о несчастных случаях, которые, возможно, являлись покушениями на жизнь Петра: в ноябре 1682 г. был пожар в доме, где ночевал Петр. Фон Горн пишет об этом в своем письме датскому королю от 28 ноября. Этот случай упоминается и многими историками. А месяцем раньше, когда Петр

повели на казнь. Тот, однако, написал подробный документ обо всем, что он знал¹⁵, копию с которого Милославский послал Жировскому. Когда это случилось, князь Борис Голицын, князь И. И. Голицын и фон Горн оказались в опасности и решили держаться в тени. Они не смели открыто посещать друг друга, только тайно. Но дело не получило никакого развития, так как князь Василий Васильевич по своей доброте прекратил пытки, чтобы ничего больше не обнаружилось. Теперь эти трое братьев не смеют ходить друг к другу в гости как раньше, так как их братство было связано твердым решением пролить кровь и посадить царя Петра на престол. В таком случае фон Горн мог бы соблюсти интересы своего короля, как он и хотел. Главная причина его позиции, похоже, была в том, что Петр был венчан на царство первым и что царь Иван был готов отказаться от престола и объявить себя холопом Петра, а не братом. Но богу было угодно другое [Sparwenfeld 2002: 186, 188; текст на шведском].

Кто такой фон Горн?

В этом сюжете опять упомянут фон Горн. Этот молодой дипломат заслуживает серьезного внимания историков. Он был агентом датского короля, находился в Москве уже в третий раз¹⁶, прекрасно говорил по-русски и был знаком с представителями аристократии. Его секретное поручение в этот раз состояло в том, чтобы склонить Россию к союзу с Францией и Бранденбургом против Швеции, и для этого воспрепятствовать подтверждению мирных соглашений между Россией и Швецией [Lossky 1964: 74–77]. Это, однако, не мешало ему дружить со Спарвенфельдом, который находился в Москве в составе шведского посольства. Молодые люди познакомились в Копенгагене в 1682 г., когда

лежал в горячке в Воздвиженском, вспыхнул пожар, и Петра еле-еле спасли [Шмурло 1896: 52]. О втором случае упоминает Спарвенфельд в своем дневнике 21 апреля 1684 г. Источником информации был голландский купец, которого шведский комиссар фон Кохен встретил по пути, и это он рассказал историю Спарвенфельду. Фон Кохен сам пишет об этом случае 30 апреля Ю. Бергенельму [*Muscovitica* 115]. Подробный отчет о том же случае дает фон Горн королю в середине апреля и еще раз в конце месяца [Возгрин 1982: 155, примеч. 239]. Лавров [1999б: 19–20; 1999а: 86–87] дает официальную версию данного события (дело подьячего Приказа большой казны Т. Назарьева) и свое толкование случившегося.

¹⁵ Вероятно, речь идет о письменном признании, полученном у Негребецкого под пытками.

¹⁶ Хильдебранд фон Горн (1655–1686), дипломат из Гольштейна, был на службе у датского короля Христиана V. Он был в России первый раз в 1676–1678 гг. в качестве секретаря посольства Ф. Габеля. Второй раз — с лета до конца 1681 г. [Возгрин 1982: 152, примеч. 219]. Часть его писем датскому королю и другим адресатам опубликованы в «Aarsberetninger fra det kongelige Geheime Archiv» [Horn 1989]; см. также: [Форстен 1904: 67], [Возгрин 1982: 152, примеч. 217] сообщает, что в архиве Ленинградского отделения Института истории имелось 300 микрокопий с подлинных писем Горна объемом более 400 страниц.

Спарвенфельд возвращался домой из своей первой пятилетней поездки по Европе [Jacobowsky 1932: 47]. Они подружились¹⁷, а в 1684 г. случайно снова встретились в Москве. Несмотря на то что они являлись представителями двух враждующих стран, они проводили свободное время вместе¹⁸. После того, как шведское посольство уехало, благополучно исполнив свое поручение (а Горн, следовательно, не смог исполнить свое¹⁹), они общались еще более тесно. Горн как знаток России информировал Спарвенфельда о том, что происходит за кулисами в русской столице. Что касается последнего отрывка, мы точно знаем, что непосредственным источником информации был фон Горн. А кто же в свою очередь рассказал фон Горну о допросе и пытках Негребецкого? Кто был их свидетелем? Если сведения правильны, там присутствовали князья И. М. Милославский и В. В. Голицын. Но как информация попала во внешний мир из камеры пыток? По всей вероятности, о случившемся кто-то рассказал двоюродному брату Василия Васильевича, Борису Алексеевичу Голицыну. Скорее всего, это сделал сам Василий Васильевич. Одновременно он, возможно, настоятельно попросил брата быть осторожным и не выделяться. Как известно, братья, несмотря ни на что, заботились друг о друге²⁰. Борис Алексеевич рассказал о случившемся своему близкому другу и, кажется, соучастнику фон Горну. Фон Горн написал о казни Негребецкого Ревентлову в письме от 21 июля²¹. В нем он отметил, что Жировский, первый посол в императорском посольстве, хочет вернуться в Москву в качестве резидента. Поэтому, когда посольство находилось на обратном пути, Жировский остановился в 250 километрах от Москвы в ожидании разрешения от царей. Со двора послали дьяка²² узнать, почему он остановился. Фон Горн продолжает:

¹⁷ Судя по всему, они были близкими друзьями. В списке, в котором Спарвенфельд перечисляет своих знакомых из разных стран (*Nomina illustrium virorum* [...]), он пишет: «[...] и в Копенгагене, и в Москве Гильдебранд фон Горн, датский чрезвычайный посол во время московского троеластного правления царя Ивана, царя Петра и их сестры Софьи Алексеевны, с которым я четыре года жил в крайне теплой и положительной дружбе, как Давид и Ионат» [Jacobowsky 1932: 374]. Об их теплой дружбе свидетельствуют и девять сентиментальных писем Спарвенфельду, написанных Горном после того, как он уехал из Москвы. Самое последнее письмо было написано им в мае 1686 г. в поле боя в Греции. Фон Горн скончался от горячки в октябре того же года [Ibid.: 66]. Об их корреспонденции см. еще: [Sparwenfeld 2002: 312–313, примеч. 533].

¹⁸ Согласно дневнику, они общались и пятого, и седьмого, и пятнадцатого, и тридцатого мая, в последний день они пили брудершафт друг с другом.

¹⁹ [Форстен 1904: 83]. Ему удалось, однако, включить русско-датский договор, оказавшийся значительным в дальнейшем [Возгрин 1982: 152, примеч. 218].

²⁰ См., например: [Кочегаров 2012: 58].

²¹ Конрад Ревентлов (Conrad Reventlow, 1644–1708) — датский дворянин, должностное лицо, канцлер [DBL, 14: 42–46].

²² Из Посольского приказа послали П. Б. Возницына [Кочегаров 2012: 277].

«Пять или шесть дней назад обезглавили одного знатного человека при дворе по имени Негребецкий, из-за того, говорят, что он написал несколько писем польскому королю о нынешнем правительстве» [Horn 1879: 190; текст написан по-французски].

Рингубер и его описание казни Негребецкого

Есть и один свидетель самой казни Негребецкого: саксонец Лаврентий Рингубер (Laurentius Rinhuber) [Dumschat 2006: 404–407]. Врач, дипломат, переводчик и, в общем, искатель приключений, он прожил в России в целом несколько лет. В этот — четвертый — раз он находился в Москве несколько месяцев. Вероятно, он случайно оказался на Красной площади. Вот его описание происшедшего:

26 июля на большой площади я видел одного знатного человека, пана Негребецкого. Он, похоже, оказывал сопротивление тем, кто был с ним. Это был московский дворянин или камер-юнкер, хорошо воспитанный и всеми уважаемый. Неожиданно палач отрубил ему голову без всяких церемоний, а затем несколько мужиков обернули тело красной шелковой тканью 5 или 6 раз и убежали с ним оттуда, как будто тело было горячее. Никто не знал, что это было такое. Но Негребецкий хвастался тем, что ухаживал за женщиной-государыней и что он в своем письме в Польшу писал, что, может быть, даже привезет с собой Ц. С. [Царевну Софью? — У. Б.] к польскому двору. И его подлинное письмо было перехвачено в Киеве, а затем было доставлено на московский двор [Rinhuber 1883: 245–246]²³.

О чем говорят все эти документы?

Многие данные в этих рассказах сходятся, но далеко не все. Спарвенфельд называет датой казни 11 июля, фон Горн в своем письме Ревентлову — «около 15-го», а Рингубер — 26. Эту разницу в датах частично можно объяснить разницей нового и старого стиля. Если так, фон Горн (и Спарвенфельд) пользуется юлианским календарем, а Рингубер григорианским (разница должна быть 10 дней).

Во всех трех текстах сказано, что Негребецкий написал письма в Польшу. Именно это было поставлено ему в вину, но только Спарвенфельд

²³ Рингубер пишет в конце цитаты: «Negrebizky aber hatte gerühmet wie Er mit dem frauenzimmer d'Etat courtoisiret, und in seinem briefe nach Pohlen vorgeben, das Er wol gar die Z. S. nachm polnischen hof mit sich hinzuführen gedächte...» [Rinhuber 1883: 246].

Правдоподобным кажется предположение, что за аббревиатурой Z. S. скрывается «Zarewna Sophia». В таком случае он ошибся насчет «dem frauenzimmer d'Etat» (женщины-государыни), скорее всего, Негребецкий хвастался по поводу своих планов, связанных с Натальей Нарышкиной, не Софьей; см. ниже. Ср. и [Кочегаров 2012:49], который ссылается на Аделунга.

указывает, что в разоблачении этой корреспонденции, возможно, был замешан Жировский. Секретность и быстрота в совершении казни Негребецкого показывают, что власти не хотели гласности. Жировский упоминается также в письме фон Горна Ревентлову от 29 июля. Там сказано: «Господин Жировский не хотел возвращаться в Москву после того, как он узнал о казни одного поляка, который был его близким доверенным» [Horn 1879: 190; текст написан по-французски].

Роль Жировского в истории Негребецкого

Весьма желательно уточнить роль Жировского в этом деле. Главной целью австрийского посольства И. Жировского и С. Блюмберга было заставить Россию вступить в Священную лигу против Турции. Но кажется, что императорское посольство было плохо подготовлено к ведению переговоров с русской стороной. Из дневника Спарвенфельда выходит, что от Габсбургов давно не было посольств такой важности, что у них, следовательно, было мало опыта и мало инструкций. В. В. Голицын сказал им, что они сами виноваты в том, что не достигли никаких результатов. Русские настаивали на том, что об их участии в Священной лиге не может быть и речи без разрешения польской проблемы (т. е. заключения договора о вечном мире с Польшей). Австрийцы предлагали свое содействие и свое посредничество, но русские не приняли этого предложения. Велись долгие переговоры, австрийцы вносили различные предложения, чтобы сдвинуться с места, но безрезультатно. Наконец 23 июня им пришлось покинуть Москву, но они уверяли, что намерены вернуться через несколько месяцев с более подробными инструкциями и с согласием польской стороны навсегда отдать Киев и Смоленск. Старания австрийцев продолжались и после отъезда. По пути в Смоленск они попросили разрешить Жировскому вернуться в Москву для новых переговоров, намекая на то, что они получили новые инструкции из Вены (что не было правдой). Но и в этом им отказали. Тогда Жировский предложил остаться в Москве как частное лицо, но и на эту идею последовал отказ²⁴. К роли Жировского в связи с разными письмами и документами вернемся ниже.

Свидетельство папского нунция в Речи Посполитой

Иностранные державы с интересом следили за политической обстановкой в Москве. Шмурло пишет: «За границей толковали, будто царица Наталья обращалась даже к польскому королю с просьбой помочь и

²⁴ Эти сведения встречаются в дневнике Спарвенфельда [Sparwenfeld 2002: 179–181] и у Кочегарова [2008: 275–277].

поддержать сына. Слух, разумеется, не верен; но самая возможность его ярко рисует положение дела» [Шмурло 1896: 52]. При этом он приводит одну ссылку — [Monuments historiques 1859: 291]. Она относится к отчету Опцио Паллавичини, папского нунция в Речи Посполитой, данному Папе 6 декабря 1684 г., где сказано:

Кроме того, меня беспокоят сведения о том, что московиты могут принять новые меры по поводу содержания некоторых писем, написанных королю матерью Петра (младшего царя), перехваченных ими, в которых она просит короля защищать ее сына, который, по ее словам, имеет право на все просторное государство, и она добавляет, что из-за известного восстания и угнетения, ее сын был вынужден разделить престол с братом. Если разоблачение договора между королем и матерью Петра кончится нашествием могущественного клана царя Алексея [т. е. Милославских!], боюсь, что будет намного труднее исправить причиненный ущерб. Но король, кажется, надеется на лучшее, и, видимо, рассчитывает на свое умение разрешить все и потушить пожар уже в начале, что крайне необходимо²⁵.

Б. А. Голицын и фон Горн

Без сомнения, у сторонников Петра были контакты и с другими иностранными правителями. В Москве того времени было хорошо известно, что отношения между Борисом Алексеевичем Голицыным и видным датским дипломатом фон Горном были самые близкие. Судя по письменным источникам, Б. А. Голицын, как и другие сторонники Петра, начал постепенно сближаться с иностранным министром в начале 1683 г. В письме фон Горна из Москвы датскому королю 22 января 1683 г. сказано, что три дня назад на вечере у Бутенанта²⁶ он встретил, кроме В. В. Голицына, также и Б. А. Голицына, при этом Борис Алексеевич говорил в слезах об опасности, в которой находились царь Петр и он сам. Из письма от 20 февраля следует, что фон Горн и Борис Алексеевич обсуждали ту же тему и что они сблизились еще: «...eine rechte vertrauliche Freundschaft machten» [нашли друг друга в искренней дружбе. — У. Б.]. В письме фон Горна от 15 мая 1683 г. сообщается, что царь Петр попросил его поехать вместе с ним за город. Софья узнала об этом и отреагировала крайне отрицательно. Она обратилась к Нарышкиной

²⁵ [Monuments historiques 1859: 291] (от 6-го декабря 1684 г.). Отчет написан по-итальянски, см. также: [Кочегаров 2012: 50].

²⁶ Андрей И. Бутенант фон Розенбуш (Hendrick Boutenant von Rosenbusch, 1634–1702), датский фактор. Бутенант был лично вовлечен в страшные события в мае и написал отчет о бунте, который считается достоверным. Этот текст (Eigentlicher Bericht...) был опубликован в Гамбурге в том же году, а также у Устрялова [1858: 330–346].

и сказала в гневе, что та не только настроила своих людей против старшего царя, но и пытается привлечь «иностранных министров» на свою сторону [Horn 1879: 146]. Из письма фон Горна от 19 июня становится ясно, что поездка не состоялась: из-за политической ситуации сторонники Петра не хотели уезжать далеко от Москвы.

Б. А. Голицын, несомненно, был самым энергичным сторонником Петра. Вероятно, он пытался воздействовать на фон Горна, потому что, как хорошо известно, датчане всеми способами хотели убедить русское правительство начать войну со Швецией. Молодой Петр сочувственно относился к этой идее [Bushkovitch 2001: 140]. Кроме того, фон Горн располагал к себе. Он прекрасно говорил по-русски, у него широкий круг знакомств, в том числе среди представителей власти. Судя по его письмам датскому королю и другим, он хорошо ориентировался в придворных интригах. Фон Горн описывает своему королю 16 июля 1683 г., как Б. А. Голицын пришел к нему и со слезами говорил о том, в какой опасности находился Петр. Борис Алексеевич даже зачитал текст на латыни, адресованный датскому королю и включенный в письмо фон Горна, в котором он умолял короля убедить своих союзников Францию, Англию и Бранденбург в том, что нужно оказать поддержку Петру против Софьи. Этим странам, по его мнению, следовало назначить в Москву таких послов, которые — хотя бы тайно — оказывали поддержку Петру [Horn 1879: 149–151].

В то время как Дания ратовала за войну России со Швецией, Швеция выступала за войну России с Турцией. Как известно, Софья и В. В. Голицын впоследствии отдали предпочтение войне с Турцией, в первую очередь с Крымом, и в результате в 1686 г. заключили вечный мир с Польшей, чтобы в союзе с ней и императором взяться за турецкий вопрос.

События 1682 г. и записи фон Горна о них

Если и были планы заговора со стороны Нарышкиных, то принимал ли фон Горн активное участие в них, и если да, то каким образом? Судя по дневниковым записям Спарвенфельда, заговор планировали в Троице-Сергиевом монастыре осенью 1682 г., после кровавых майских событий в Москве. Фон Горн тогда еще не прибыл в Россию, но он узнал о случившемся еще в пути от Андрея Бутенанта. В этой ситуации он решил остаться на некоторое время в Гамбурге и подождать, когда все успокоится. Туда же в это время приехал и направлявшийся в Россию Франц Лефорт, будущий соратник Петра, и они решили ехать вместе [Поссельт 1871: 89], но в Смоленске Лефорт оставил фон Горна и поспешил дальше. Он приехал в Троице-Сергиев монастырь около

20 сентября и там объявил новому начальнику Посольского приказа, князю В. В. Голицыну, о скором приезде фон Горна. Голицын приказал Лефорту немедленно поехать навстречу датскому посланнику и находиться при нем в качестве пристава до тех пор, пока фон Горн не получит аудиенцию у царей. В сопровождении Лефорта фон Горн приехал в монастырь 18 октября и уже на следующий день представлялся царям.

В своем длинном и чрезвычайно интересном письме датскому королю, написанном 23 октября [Ногн 1879: 191], фон Горн рассказывает, что, когда он находился недалеко от Москвы, ему предложили выбор: поехать в Москву и остаться там в ожидании возвращения царей в столицу — или поехать в Троице-Сергиеву лавру, где находились цари и весь двор. Фон Горн, к удивлению и восхищению хозяев, выбрал второй вариант. Его приняли роскошно, со всеми возможными знаками почтения, о которых он подробно сообщал своему королю. Особенно лестно было явное внимание, уделенное ему Василием Васильевичем Голицыным. Тот не скрывал своего желания узнать настоящую, секретную миссию датского посла. Царевна Софья Алексеевна подслушивала их разговоры за черным занавесом.

В том же письме фон Горн дает подробный отчет о стрелецком бунте, хотя он не был его непосредственным свидетелем, но о присутствии матери Петра и Б. А. Голицына в монастыре он ничего не пишет.

В Лавре Горн пробыл всего несколько дней, потом Лефорту поручили проводить его в Москву, куда он приехал 28 октября [Поссельт 1871: 92–93]²⁷. Если доверять рассказу фон Горна Спарвенфельду, именно в это время велись дискуссии о заговоре. Главную роль в обсуждении играли Б. А. Голицын, И. И. Голицын, фон Горн и грузинские князья, принимала участие и Наталья Нарышкина. В монастыре находился, судя по всему, и Павел Негребецкий. Но у заговорщиков ничего существенного не вышло, так как Наталья Нарышкина в последний момент отказалась участвовать²⁸. Почему об этих неосуществившихся планах вновь заговорили через полтора с лишним года и почему нужно было казнить именно Негребецкого?

²⁷ Царский двор оставил Лавру 27 октября и входил в Москву в процессии 3-го ноября [Hughes 1984: 29].

²⁸ Ср.: «Но если бы 27 апреля судьба решила спор в пользу Мирославских, смеем ли мы утверждать, что в этом случае царица Наталья примирилась бы с своею долей и также не стала бы вырывать короны из рук падчерицы? Возможно, что у нее не хватило бы на это решимости, уменья осуществить свое желание, энергии довести дело до конца; но в душе она питала бы *те же самые чувства*, руководилась бы *теми же самыми желаниями* — в этом едва ли возможно сомневаться!» [Шмурло 1896: 50–51]

Документы и письма, написанные Негребецким

В вышеприведенных свидетельствах фигурируют разные письма и документы, возможно, написанные Негребецким. Об этих событиях есть и другие сведения. Так, шведский комиссар фон Кохен в письме шведскому королю от 20 марта 1683 г. писал, что несколькими неделями раньше в царских покоях нашли документ, где сказано, что Софья собиралась взять власть в свои руки. Для того, чтобы отвлечь опасность, хотели сослать Ивана в монастырь и угрожали Милославскому и другим, кто был на стороне Ивана. Из-за этой находки начали следствие [*Muscovitica* 114]. По всей видимости, о том же случае пишет фон Горн датскому королю 26 марта: «Недавно нашли в Кремле в одной из комнат царевны Софьи клеветническое письмо, где страшно нападали не только на саму царевну, но и на Ивана Михайловича и Голицына» [Ногн 1879: 146]. По этому делу начали следствие, но ничего не нашли. Содержание упомянутого письма напоминает о планах, обсуждавшихся в Троице-Сергиевой лавре. Может быть, письмо было написано Негребецким — или были такие подозрения? Или из всех возможных заговорщиков он был единственным, кого можно было наказать, даже если он не входил в число руководителей заговора. Напоминаем и о приведенном выше фрагменте дневника Спарвенфельда (см. выше с. 241):

Однако до своей смерти Негребецкий написал обвинительный документ, касающийся этой ситуации, который хранится у кого-то, кто является сторонником царя Петра, [...]. Говорят, в этом документе есть данные, далеко не лестные для царевны Софьи [Sparwenfeld 2002: 182].

Можно предположить, что в какой-то момент этот документ попал в руки враждебной стороны.

Новые данные: работы К. А. Кочегарова

В 2008 г. вышла еще одна очень важная для нас работа, а именно книга К. А. Кочегарова о польско-русских отношениях в интересующее нас время: «Речь Посполитая и Россия в 1680–1686 гг. Заключение договора о вечном мире» [Кочегаров 2008]. Его работа содержит очень ценный новый материал. В 2012 г. автор возвращается к некоторым проблемам, обсуждавшимся в книге, и уточняет свои выводы [Idem 2012]. Он упоминает о любопытном источнике, обнаруженном З. Вуйчиком (Z. Wójcik) в Архиве древних актов в Варшаве. Документ имеет заглавие «*Relatia Nehrebeckiego ze stolicy*» [Idem 2008: 147, примеч. 94]. Кочегаров пишет, что речь идет не о реляции, а скорее о пересказе реляции. В связи с этим документом он сообщает, что галицкий шляхтич Негребецкий выехал в Москву из Польши в конце 1670-х гг., перешел в православие и получил

чин стольника. После стрелецкого бунта Наталья Кирилловна решила обратиться за помощью к польскому королю Яну Собескому. Это деликатное поручение она доверила Негребецкому. В письме она, напоминая о своем польском происхождении (она была родом из Смоленска), жаловалась на опасность, которая грозила ее сыну и ей самой, и умоляла короля содействовать тому, чтобы ее сын стал царем²⁹.

«Реляция» датирована 5 сентября без указания года. Вуйчик считает, что можно датировать ее 1684 г. Кочегаров сомневается в этом и относит документ скорее к 1682 г. [Кочегаров 2012: 50]. Он полагает, что данный текст является не пересказом письма царицы, а скорее записью какого-то устного рассказа: «Вряд ли бы кто-то решился написать или везти с собой письмо подобного содержания, тем более через границу» [Idem 2008: 136].

Автор тщательно прослеживает карьеру Негребецкого по «Списку кормовщиков московского чину» 7190–7194 (1681/82–1685/86). Здесь мы не будем углубляться в данные, относящиеся к дворам и кормовым деньгам, но из списка следует, что где-то в 1682–1683 гг. Негребецкий «пропал» из виду властей, а затем появился вновь в 1683/84, но с понижением статуса. В списке за 1685/86 гг. и далее его имя отсутствует. Не был ли он в 1682–1683 гг. отправлен с секретной миссией в Речь Посполитую, спрашивает Кочегаров, а вслед за ним и мы. Он считает, что данные источников явно указывают на немилость со стороны Милославских и что в таком случае можно было ожидать самых печальных последствий. Кочегаров добавляет: «При этом отсутствие письменных улик его миссии и то, что он ехал в Польшу по поручению матери одного из царей, было причинами, по которым Милославские не посмели придать этому делу официальный характер» [Кочегаров 2008: 137]. Исследователь считает, что Милославские делали все, чтобы не допустить контактов враждебной группировки с польским двором.

Пример этой бдительности можно было видеть в 1683 г., когда в Москву приехали эмиссары польского короля — судя по русским источникам, это были Дмитрий Поплавский и его брат Гаврила [Кочегаров 2008: 139; Idem 2012: 48]. Как полагает Кочегаров, Негребецкий попытался установить с ними контакт, но был схвачен, подвергнут пыткам и казнен [Кочегаров 2008: 137]. Ссылаясь на сведения польского

²⁹ «Я, царица Наталья Кирилловна, мой сын — царь Петр, сперва бояре его посадили на царство. Второй царь — Иван, чернь из злости посадила его на царство. Этот Иван глупый, слепой, страдает параличом, править не может. Его сестра Софья всем сама заправляет. Я сирота, никто меня с моим сыном не почитает из-за того, что я польского роду, не на кого мне надеяться, только на тебя, король польский [...] чтобы ты, король, имел для меня и для этого дитя милосердие, чтобы мой сын мог стать царем с твоей королевской помощью» (цит. по переводу Кочегарова с польского, см.: [Кочегаров 2008: 135]).

историка Пердени, Кочегаров упоминает о письме польского короля познанскому воеводе К. Гжимултовскому: в начале 1684 г. Ян Собеский пишет, что в России в 1683 г. казнили как шпионов королевского агента Поплавского и одного стольника — из-за того, что они пытались помочь Нарышкиной. По всей вероятности, Негребецкий пытался установить контакт именно с Поплавскими.

В работе Кочегарова содержится также интересный материал о польском королевском агенте Иосифе Лядинском: он должен был поехать в Москву по поручению польского короля «для разговора с духовной особой» (согласно инструкции). Кочегаров предполагает, что эта духовная особа — тетка Лядинского Антонина Даниловна, игуменья Новодевичьего монастыря [Кочегаров 2008: 137–138]. Одной из его задач, по мнению Кочегарова, было обеспечение поездки Натальи Кирилловны Нарышкиной и Петра на богомолье в Киев, откуда они могли добраться до польской территории. Лядинский приехал в Москву в январе 1683 г. [Ibid.: 138]. Хотя из этих планов ничего не вышло, Ян Собеский, как кажется, был готов предложить убежище Наталье Кирилловне и ее сыну. Но игуменья Антонина Даниловна была близка царевне Софье, и, возможно, через нее планы польской стороны поддержать Нарышкину стали известны клану Милославских [Ibid.: 140]. Со ссылкой на польского историка Я. Перденю Кочегаров утверждает [Ibid.: 139], что письмо Натальи Кирилловны было перехвачено Милославскими, которые, как он считает, могли узнать и о миссии Негребецкого.

Все эти данные представляют чрезвычайный интерес и добавляют важные кусочки к нашей мозаике.

Возможный сценарий дела Негребецкого

С помощью ценнейшего польского материала, представленного в работах Кочегарова, постараемся предложить возможный сценарий дела Негребецкого, учитывая, разумеется, тот факт, что обнаружение новых источников сможет исправить и уточнить картину.

Итак, положение Павла Негребецкого во время правления Федора Алексеевича было очень хорошим, но после смерти царя 27 апреля 1682 г. оно мгновенно ухудшилось. Сильное польское влияние времен правления Федора исчезло, Милославские и Нарышкины начали бороться за власть. Сперва сторонники Петра взяли верх, и, несмотря на то что мальчику было всего десять лет, его провозгласили царем. Но вскоре вспыхнул стрелецкий бунт. После кровавых майских дней обстановка стала совсем другой: первым царем стал Иван, Петр только вторым, и власть перешла к Софье (в качестве регента) и ее фавориту В. В. Голицыну, т. е. победителями стали Милославские. В этой ситуации

Негребецкий выбрал сторону Петра и, возможно, открыто показал это. У Ивана Михайловича Милославского явились новые причины ненавидеть уже знакомого ему шляхтича. Наталья Нарышкина боялась за жизнь сына и за себя. Ее энергичный сторонник Борис Алексеевич Голицын начал обращаться за поддержкой к иностранным дипломатам, в том числе к датскому посланнику Гильдебранду фон Горну. Тот написал письмо своему королю с просьбой о поддержке.

С точки зрения Нарышкиной, была еще одна страна, которая могла оказать помощь. Так как она была родом из Смоленска, ранее относившегося к Польше, Наталья Нарышкина решила обратиться к польскому королю за поддержкой и написала письмо Яну Собескому. О существовании такого текста знал, например, нунций римского папы в Польше. Но как можно было переслать такое рискованное письмо через границу?

Возможно, она обратилась к Негребецкому, который принадлежал к их лагерю, и он согласился помочь (но может быть, что это было его собственной идеей). Судя по приведенным Кочегаровым документам, Негребецкого не было в Москве в 1682/1683 гг. Возможно, в это время он тайно оставил Москву и отправился в Варшаву с этим письмом или с устным сообщением. Но он там не остался, а вернулся в Москву. Кочегаров, ссылаясь на Перденю, упоминает о письме от польского короля воеводе в Познани, где написано, что одного его агента, Поплавского, и одного стольника — имя не названо — казнили как королевских шпионов из-за того, что они попытались помочь Нарышкиной. Это, кажется, случилось в 1683 г. (письмо Собеского было написано в начале 1684 г.).

Но возможно, упомянутый «стольник» был *не* Негребецкий а кто-то другой (ведь в Москву приехали вместе братья Гаврила и Дмитрий Поплавские). Или «шпионы» тогда еще были живы и находились в тюрьме. Клан Милославских мог долго обсуждать вопрос, как поступать с этими пленниками, особенно если один из них недавно был советником царя (Федора). В начале 1683 г. польский король посылает Иосифа Лядинского в Москву к Антонине Даниловне в Новодевичий монастырь. Он должен был узнать, каково положение Нарышкиной и какие у нее планы. Еще он должен был предложить ей с сыном убежище в Польше. Из этого ничего не вышло. Можно предположить, что эти планы стали известны Софье, так как у нее с Антониной Даниловной были близкие отношения. Негребецкий в это время был еще жив и, возможно, на свободе, но, по всей видимости, под наблюдением. Но вдруг он опять начал действовать — из-за того, что в Москве появился надежный контакт с Польшей в лице И. Жировского, резидента Габсбургов в Варшаве.

Роль Жировского в этом деле трудно установить. Его ситуация была сложна. Несмотря на победу союзных войск под командованием

Яна Собеского около Вены 12 сентября 1683 г. война с Турцией продолжалась, угроза не была окончательно предотвращена. Было непременно нужно включить Россию в Священную Лигу. Россия в этой ситуации видела возможность раз и навсегда решить «польский вопрос», связывая с этим свое возможное участие в Лиге. Как поступал Жировский, не имея нужных инструкций, после резкого отказа русской стороны от всяких переговоров, пока польский вопрос не решен? Он, наверное, лично был на стороне Польши (по словам Спарвенфельда, он был «хорошим поляком»). Возможно, когда австрийское посольство находилось в Москве, каким-то образом могли быть установлены контакты между Жировским и Негребецким (неизвестно, по чьей инициативе). Если это было так, то Негребецкий должен был в это время быть на свободе.

Можно предположить следующий сценарий. Ян Собеский попросил Жировского узнать, как обстоит дело с Нарышкиной и ее сыном и какие у нее желания. Тогда возникает вопрос, не могла ли она (или Негребецкий) написать еще одно письмо, предназначенное для польского короля, чтобы передать его через Жировского? Возможно ли, что последний взял это письмо с собой, но сторонники Милославских перехватили его по пути? Или (в соответствии с ранними слухами — см. с. 242 данной статьи) Жировский передумал по пути и переслал опасное письмо русскому двору, рассчитывая получить пользу для своего дипломатического поручения из Вены? Последнее кажется нам маловероятным.

Скорее всего, письмо было перехвачено сторонниками Милославских. Известно, что Жировский остановился по пути в ожидании чего-то (как говорили, разрешения вернуться в Москву). Но возможно, он ждал реакции Софьи и Голицына после конфискации письма. После вести о казни Негребецкого он решил не возвращаться в Москву. Какое еще содержание письма можно себе представить? Возможно, был перехвачен документ, написанный Негребецким, с информацией о политическом состоянии в Москве, далеко не лестный для Софьи (ср. с. 242).

И наконец, почему же казнили Негребецкого?

Поводы для этого были и раньше. В конце 1682 или в 1683 г. он передал (письменно или устно) просьбу Нарышкиной польскому королю о поддержке. Его, возможно, после этого держали в заключении, допрашивали и пытали, но не решились казнить. Обвинение — помощь матери молодого царя в поисках убежища в соседней стране — было политически слишком чувствительным, а Негребецкий был слишком известен. Но в этот раз, когда Негребецкий не прекратил свою деятельность, Иван Милославский и Софья не выдержали и решили быстро избавиться от

него. Обвинением — для внутренних нужд — стало старое преступление, которое казалось политически менее проблематичным: он принимал участие в заговоре Нарышкиных против клана Милославских, который планировался почти двумя годами назад. Но, используя именно это обвинение, в котором Негребецкий признался под пытками, Милославские заставили другой лагерь молчать, т. к. главные лица заговора являлись одновременно и главами враждебного клана. Кажется очевидным, что данное обвинение было предлогом для того, чтобы окончательно избавиться от раздражающего шляхтича, который все продолжал свои упорные старания связаться с Польшей, что в будущем могло нанести ущерб Милославским. И казнь его стала предостережением и для главных заговорщиков, которым предлагалось прекратить свои козни, и для Польши, которой таким образом рекомендовалось не вмешаться во внутренние дела могучей соседней державы. Вспомним также, что по данным фон Горна (см. с. 244 данной статьи), И. М. Милославский послал Жировскому копию признания Негребецкого.

Через два года был подписан Вечный мир с Польшей, Россия стала членом Священной Лиги, и про Негребецкого забыли. Последствия русского членства в Лиге, начиная с крымских походов под командованием В. В. Голицына, со временем привели Софью и Голицына к утрате власти, а Петра — к окончательной победе.

И вновь о достоверности иностранных источников

В заключение вернемся к дискуссии об иностранных источниках, в первую очередь о донесениях из России Хильдебранда фон Горна. Возгрин в своей статье комментирует высокую информативность его писем:

Для нас пока остается загадкой [...] почему перед ним раскрывались портфели русских и иностранных дипломатов, почему с послом иностранной державы, не связанной с Россией никаким союзным договором, первые лица государства доверительно говорили о судьбах страны и царствующего дома, почему ему доверяли не только московские, но и приезжие противники всемогущей в те годы Софьи? [Возгрин 1982: 154]

Ответ на этот вопрос может заключаться в широких социальных связях фон Горна, о которых мы говорили выше. Он был, наверное, также человеком общительным и обаятельным, знакомым со всеми важными людьми, т. е. был во всех отношениях «своим» человеком.

Он также был представителем Дании, самого надежного возможного будущего союзника в войне против Швеции. По поводу высказывания Возग्रина о том, что иностранцы являются более беспристрастными свидетелями, чем их русские современники (см. с. 235 данной статьи),

то нужно сказать, что фон Горн, кажется, был в высшей степени пристрастным, если он действительно принимал активное участие в планировании заговора против лагеря Софьи (однако можно предположить, что он преувеличивал свою роль, чтобы произвести впечатление на друга). Эта позиция соответствовала интересам Дании и, кажется, его собственным убеждениям. При этом нельзя не восхищаться многосторонностью и высокой информативностью его писем.

Библиография

Источники

Рукописи

Muscovitica 114

RA (Riksarkivet, Stockholm), *Diplomatica Muscovitica*, SE/RA/2113/2113.1/1/45/114, Brev till kanslirådet Bergenhielm och till Kungl. Maj:t 1679–1683.

Muscovitica 115

RA (Riksarkivet, Stockholm), *Diplomatica Muscovitica*, SE/RA/2113/2113.1/1/45/115, Brev till Kungl. Maj:t, kanslipresidenten och kanslirådet Bergenhielm 1684–1690.

Издания

Де ла Невиль 1996

Невиль Ф., де ла, *Записки о Московии*, предисл., подгот. текста, пер. и коммент. А. С. Лаврова, Москва, 1996.

Шлейссингер 1970

Шлейссингер Г. А., Рассказ очевидца о жизни Московии конца XVII века, вступ. ст. Л. П. Лаптевой, *Вопросы истории*, 1, 1970, 103–126.

Horn 1879

Horn H., von, *Relationer til K. Christian den Femte fra den danske envoyé i Moskov Hildebrand von Horn, Aarsberetninger fra det kongelige Geheime Archiv*, 6/3, Kobenhavn, 1879.

Monuments historiques 1859

Theiner A., *Monuments historiques relatifs aux règnes d'Alexis Michaélowitch, Féodor III et Pierre le Grand, czars de Russie*. Extraits des archives du Vatican et de Naples par Augustin, Rome, 1859.

Rinhuber 1883

Rinhuber L., *Warhafte Relation von der Moscovischen Reise und occupation, so ich im Monat April[is] 1684 angetreten, und mense Septembr[is] 1684 in Moscau volzogen, wobey auch zu finden un abbregé d'Estat de Moscovie, Relation du Voyage en Russie fait en 1684 par Laurent Rinhuber*, Berlin, 1883, 201–276.

Sparwenfeld 1–4

Sparwenfeld J. G., *Lexicon Slavonicum*, Birgegård U., ed., comm., 1–4, Uppsala, 1987, 1988, 1989, 1990, 1992.

Sparwenfeld 2002

Sparwenfeld J. G., *Sparwenfeld's Diary of a Journey to Russia 1684–1687*, ed., transl. and comment. by U. Birgegård (= *Slavica Suecana. Series A. Publications*, 1), Stockholm, 2002.

Литература

Белов 1964

Белов М. И., Письма Иоганна ван Келлера в собрании нидерландских дипломатических документов, *Труды Ленинградского отделения Института истории Академии наук СССР*, 7: *Исследования по источниковедению отечественной истории*, Москва, Ленинград, 1964, 374–382.

Биргегорд 2014

Биргегорд У., Страдания посольские. Спарвенфельд и посольство 1684 года, пер. со швед. А. Савицкая, *Серебряные дары правителей Швеции российским государям в XVII веке*, руководитель проекта С. Сильверстоल्प, авт.-сост. С. Сильверстоल्प, А. Кудрявцева, И. Загородняя, Стокгольм, 2014.

Буланин 2004

Буланин Д. М., Негребецкий Павел, *Словарь книжников и книжности Древней Руси*, 3: XVII век, 4: Т–Я. Дополнения, С.-Петербург, 2004, 498–500.

Возгрин 1982

Возгрин В. Е., Источники по русско-скандинавским отношениям XVI–XVIII веков, *Рукописные источники по истории Западной Европы в архиве Ленинградского отделения Института истории СССР: археографический сборник*, Ленинград, 1982, 124–157.

Горфункель 1992

Горфункель А. Х., Белобоцкий Ян (Андрей Христофорович), *Словарь книжников и книжности древней Руси*, 3: XVII век, 1, С.-Петербург, 1992, 128–131.

Кочегаров 2008

Кочегаров К. А., *Речь Посполитая и Россия в 1680–1686 годах. Заключение договора о вечном мире*, Москва, 2008.

——— 2012

Кочегаров К. А., Борьба боярских группировок вокруг планов женитьбы царя Петра и русско-польские отношения в 1684–1689 гг., *Россия, Польша, Германия в европейской политике: исторический опыт взаимодействия и императивы сотрудничества*, Москва, 2012, 45–88.

Лавров 1999а

Лавров А. С., *Регентство царевны Софьи Алексеевны. Служилое общество и борьба за власть в верхах Русского государства в 1682–1689 гг.*, Москва, 1999.

——— 1999б

Лавров А. С., Политическая борьба в России 1680-х годов в донесениях Хильдебрандта фон Горна (Источниковедческие заметки), *Вестник СПбГУ. Серия 2: История. Языкознание. Литературоведение*, 3 (16), 1999, 15–23.

Лермонтова 1912

Лермонтова Е., Самодержавие царевны Софьи Алексеевны, по неизданным документам. (Из переписки, возбужденной графом Паниным), *Русская старина*, Февраль, 1912, 425–445.

Международные связи 1966

Международные связи России в XVII – XVIII вв. (экономика, политика и культура). Сборник статей, Л. Г. Бескровный, отв. ред., Москва, 1966.

Погодин 1875

Погодин М. П., *Семнадцать первых лет в жизни императора Петра Великого. 1672–1689*, Москва, 1875.

Поссельт 1871

Поссельт М., *Генерал и адмирал Франц Яковлевич Лефорт: [Его жизнь и его время]: по соч. Морица Поссельта «Der General und Admiral Franz Lefort: Sein Leben und seine Zeit»*, излож. Я. Турунов, С.-Петербург, 1871.

РБС 1914

Русский биографический словарь, С.-Петербург, 1914.

- Сазонова 2006
Сазонова Л. И., *Литературная культура России. Раннее Новое время*, Москва, 2006.
- Седов 2008
Седов П. В., *Закат московского царства. Царский двор конца XVII века*, С.-Петербург, 2008.
- Словарь книжников 1992
Словарь книжников и книжности Древней Руси, 3: XVII век, 1, С.-Петербург, 1992.
- Устрялов 1858
Устрялов Н., *История царствования Петра Великого*, 1: Господство Царевны Софии, С.-Петербург, 1858.
- Форстен 1899
Форстен Г. В., *Сношения Швеции и России во второй половине XVII века (1648–1700)*, С.-Петербург, 1899.
- 1904
Форстен Г. В., Датские дипломаты при московском дворе во второй половине XVII века, *Журнал министерства Народного просвещения*, 356, Ноябрь, 1904, 67–101.
- Харлампович 1914
Харлампович К. В., *Малороссийское влияние на великорусскую церковную жизнь*, 1, Казань, 1914 [Репр.: The Hague, Paris, 1968].
- Шмурло 1896
Шмурло Е. Ф., Падение царевны Софьи, *Журнал министерства Народного просвещения*, 303, Январь, 1896, 7, 76–133.
- Birgegård 1985
Birgegård U., *Johan Gabriel Sparwenfeld and the Lexicon Slavonicum. His Contribution to 17th Century Slavonic Lexicography*, Uppsala, 1985.
- Bushkovitch 2001
Bushkovitch P., *Peter the Great. The Struggle for Power, 1671–1725*, Cambridge, 2001.
- Crummey 1983
Crummey R. O., *Aristocrats and Servitors. The Boyar Elite in Russia, 1613–1689*, Princeton, 1983.
- DBL 1–19
Dansk biografisk Lexikon, tillige omfattende Norge for tidsrummet 1537–1814, 1 udgave af C. F. Bricka, Gyldendal, 1887–1905.
- Dumschat 2006
Dumschat S., *Ausländische Mediziner im Moskauer Russland*, Stuttgart, 2006.
- Hughes 1984
Hughes L., *Russia and the West, the Life of a Seventeenth-Century Westernizer, Prince Vasily Vasil'evich Golitsyn (1643–1714)*, Newtonville, 1984.
- 1990
Hughes L., *Sophia, Regent of Russia: 1657–1704*, New Haven and London, 1990.
- Jacobowsky 1932
Jacobowsky C. V., J. G. Sparwenfeld. *Bidrag till en biografi*, Stockholm, 1932.
- Lossky 1964
Lossky A., La Piquetière's Projected Mission to Moscow in 1682 and the Swedish Policy of Louis XIV, A. D. Ferguson, A. Levin, eds., *Essays in Russian History: a Collection Dedicated to George Vernadsky*, Hamden, 1964, 71–106.
- O'Brien 1952
O'Brien C. B., *Russia under Two Tsars 1682–1689. The Regency of Sophia Alekseevna*, Berkeley, Los Angeles, 1952.

Zernack 1958

Zernack K., *Studien zu den schwedisch-russischen Beziehungen in der 2. Hälfte des 17. Jahrhunderts, 1: Die diplomatischen Beziehungen zwischen Schweden und Moskau von 1675 bis 1689*, Gießen, 1958.

References

- Belov M. I., Pis'ma Joganna fan Kellera v sobranii niderlandskikh diplomaticheskikh dokumentov, *Trudy Leningradskogo otdeleniia Instituta istorii Akademii nauk SSSR, 7: Issledovaniia po istochnikovedeniiu otechestvennoi istorii*, Moscow, Leningrad, 1964.
- Birgegård U., ed., transl., *Sparwenfeld's Diary of a Journey to Russia 1684–1687* (= Slavica Suecana. Series A. Publications, 1), Stockholm, 2002.
- Birgegård U., *Johan Gabriel Sparwenfeld and the Lexicon Slavonicum. His Contribution to 17th Century Slavonic Lexicography*, Uppsala, 1985.
- Birgegård, U., Stradaniia posol'skie. Sparvenfel'd i posol'stvo 1684 goda, A. Savitskaya, transl., *Serebrianye dary pravitelei Shvetsii rossiiskim gosudarium v XVII veke*, S. Silverstolpe, A. Kudriavtseva, I. Zagorodniia, eds., Stockholm, 2014.
- Bulanin D. M., Negrebetskii Pavel, *Slovar' knizhnikov i knizhnosti Drevnei Rusi*, 3: XVII vek, 4: T–Ya, *Dopolneniia*, St. Petersburg, 2004, 498–500.
- Bushkovitch P., *Peter the Great. The Struggle for Power, 1671–1725*, Cambridge, 2001.
- Crummey R. O., *Aristocrats and Servitors. The Boyar Elite in Russia, 1613–1689*, Princeton, 1983.
- Dumschat S., *Ausländische Mediziner im Moskauer Russland*, Stuttgart, 2006.
- Gorfunkel A. H., Belobotskii Ian (Andrei Khristoforovich), *Slovar' knizhnikov i knizhnosti Drevnei Rusi*, 3: XVII vek, 1, St. Petersburg, 1992, 128–131.
- Hughes L., *Russia and the West, the Life of a Seventeenth-Century Westernizer, Prince Vasily Vasil'evich Golitsyn (1643–1714)*, Newtonville, 1984.
- Hughes L., *Sophia, Regent of Russia: 1657–1704*, New Haven and London, 1990.
- Jacobowsky C. V., J. G. Sparwenfeld. *Bidrag till en biografi*, Stockholm, 1932.
- Kochegarov K. A., Bor'ba boiarskikh gruppirovok vokrug planov zhenit'by tsaria Petra i russkopol'skie otnosheniia v 1684–1689 gg., *Rossiiia, Pol'sha, Germaniia i evropeiskoi politike: istoricheskii opyt vzaimodeistviia i imperativy sotrudnichestva*, Moscow, 2012, 45–88.
- Kochegarov K. A., *Rech' Pospolitaia i Rossiia v 1680–1686 godakh. Zakliuchenie dogovora o vechnom mire*, Moscow, 2008.
- Lapteva L. P., introd., publ., Shleissinger G. A., *Rasskaz ochevidtca o zhizni Moskovii kontsa XVII veka, Voprosy istorii*, 1, 1970, 103–126.
- Lavrov A. S., ed., transl., Neuville F. de la, *Zapiski o Moskovii*, Moscow, 1996.
- Lavrov A. S., Politicheskaiia bor'ba v Rossii 1680-kh godov v doneseniakh Khil'debrandta fon Gorna (Istochnikovedcheskie zametki), *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Seria 2. Istoria, iazykoznanie, literaturovedenie*, 3 (16), 1999, 15–23.
- Lavrov A. S., *Regentstvo tsarevny Sofii Alekseevny. Sluzhiloie obshchestvo i bor'ba za vlast' v verkhakh Russkogo gosudarstva v 1682–1689 gg.*, Moscow, 1999.
- Lossky A., La Piquetiere's Projected Mission to Moscow in 1682 and the Swedish Policy of Louis XIV, A. D. Ferguson, A. Levin, eds., *Essays in Russian History: a Collection Dedicated to George Vernadsky*, Hamden, 1964, 71–106.
- O'Brien C. B., *Russia under Two Tsars 1682–1689. The Regency of Sophia Alekseevna*, Berkeley, Los Angeles, 1952.
- Sazonova L. I., *Literaturnaia kul'tura Rossii. Rannee Novoe vremia*, Moscow, 2006.
- Sedov P. V., *Zakat moskovskogo tsarstva. Tsarskii dvor kontsa XVII veka*, St. Petersburg, 2008.
- Vozgrin V. E., Istochniki po russko-skandinavskim otnosheniiam XVI–XVIII vekov, *Rukopisnye istochniki po istorii Zapadnoi Evropy v arkhive Leningradskogo otdeleniia Instituta istorii SSSR: Arkheograficheskii sbornik*, Leningrad, 1982.
- Zernack K., *Studien zu den schwedisch-russischen Beziehungen in der 2. Hälfte des 17. Jahrhunderts, 1: Die diplomatischen Beziehungen zwischen Schweden und Moskau von 1675 bis 1689*, Gießen, 1958.

Ulla Birgegård, Fil. Dr., Professor i ryska Institutionen för moderna språk
Uppsala universitet
751 26 Uppsala, Engelska parken, Thunbergsvägen 3 L
Sverige / Sweden
ulla.birgegard@moderna.uu.se

Received February 24, 2020